

Нин Чжи подавлял Сян Сыци своей тяжелой, властной аурой. Это давление, невидимое глазу, но оттого лишь более сокрушительное, заставляло юношу буквально задыхаться.

Сам же президент Нин будто и не замечал произведенного эффекта. Он лишь молча разглядывал юношу со своим привычным, непоколебимым превосходством.

Перед началом съемок в романтическом реалити-шоу Нин Чжи прямо заявил Сян Сыци, что вмешиваться в процесс не станет — пусть, мол, крутится сам и доказывает, способен ли выжать из этого шанса максимум. Однако его внезапное появление спутало все карты. Теперь Сян Сыци поневоле засомневался: уж не приложил ли президент руку к внезапному недомоганию Чжоу Минмина?

Как бы то ни было, отступать было поздно. Сян Сыци не посмел бы прилюдно ударить по самолюбию Нин Чжи, а потому послушно принял его приглашение.

Лицо Цао Юя осталось бесстрастным, однако взгляд заметно потускнел. Почувствовав укол вины, Сян Сыци поспешно отвел глаза. Скользнув взглядом по его футболке с забавной пандой, он переключил внимание на стоящего чуть поодаль Си Яньэня, на губах которого играла мягкая улыбка.

Он и сам заметил, как сильно изменился Си Яньэнь. Его манера говорить, его жесты — все стало куда более искренним и приятным. А эта открытая, нормальная улыбка удивительно преображала его лицо, притягивая к себе взоры.

Возможно, именно таким Си Яньэнь и был на самом деле, без напускной мишуры.

Все эти годы Цао Юй опекал его, словно старший брат, помогал освоиться в жестоком мире шоу-бизнеса и делился любой возможностью. Однако рядом с ним Цао Юй вечно выглядел скованным, словно его тяготило некое невысказанное чувство. С Си Яньэнем же он вел себя совершенно иначе: спорил, злился, улыбался — словом, наконец-то жил полной жизнью.

Наверное, в этом и крылся настоящий характер Цао Юя. И это было прекрасно.

На душе у Сян Сыци сделалось горько: он завидовал умению друга довольствоваться малым и вовремя отступать, и одновременно презирал себя за непомерную, удушающую жадность.

Пока остальные недоумевали, с какой стати грозный президент Нин выбрал безвестного Сян Сыци, Си Яньэнь прекрасно понимал суть происходящего. В оригинальном романе к этому моменту Сян Сыци уже стал содержанцем Нин Чжи. Собственно, участие в этом романтическом шоу и было тем самым «стартовым ресурсом», который олигарх пообещал юноше при заключении их негласного контракта.

Перед началом съемок Сян Сыци наивно полагал, будто их связывают исключительно товарно-

денежные отношения спонсора и содержанца. Он и не догадывался, что холодное сердце Нин Чжи уже дало трещину. Иначе с чего бы могущественному магнату выбирать безвестного новичка, когда вокруг крутились сотни куда более именитых артистов, готовых на все ради его благосклонности?

Конечно, классический властный босс ни за что не признался бы в своих чувствах. Он держался с оскорбительным равнодушием и преподносил все как проверку: мол, сумеешь ли ты использовать этот проект как трамплин для взлета и привлечь к себе внимание публики? Справишься — получишь контракты покрупнее.

Сян Сыци пришел в индустрию развлечений исключительно ради денег — его матери требовалось дорогостоящее лечение от тяжелой болезни. Все, что он зарабатывал, до копейки уходило на бесконечные курсы химиотерапии. О трагедии в семье не подозревал даже Цао Юй.

Столкнувшись с суровой реальностью — когда роли, на которые его уже утвердили, нагло отнимали протее влиятельных продюсеров, а из проектов вышвыривали даже после съемок в промо-материалах, — Сян Сыци осознал: на одном голом энтузиазме далеко не уедешь. Помимо острой нужды в деньгах, в нем проснулись честолюбие и жажда успеха. Он тоже хотел подняться на вершину. И если всемогущий Нин Чжи сам протянул ему руку, глупо было от нее отказываться.

Он прекрасно понимал: появление Нин Чжи на шоу мгновенно взвинтит его популярность до небес, но вместе с тем обрушит на его голову тонны хейта.

«Черный пиар — тоже пиар»

— думал Сян Сыци, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Ему нужно держать лицо. По крайней мере, под прицелом камер прямого эфира никто не должен заметить тот клубок противоречивых чувств, что связывал его с этим человеком в реальной жизни.

— В Большом доме не кормят завтраком? — раздался за спиной Си Яньэня голос Ту Цзюфэна.

Си Яньэнь обладал броской, аристократичной внешностью, да и сэндвич он ел на удивление изящно — так, словно с детства обучался хорошим манерам в каком-нибудь элитном пансионе. Наблюдая за тем, с каким аппетитом юноша уминает еду, Ту Цзюфэн просто не смог промолчать. Поняв, что привлек к себе внимание всей компании, он виновато и обезоруживающе улыбнулся, отчего чат трансляции тут же взорвался восторженными комментариями зрителей.

— Да ел я, — с улыбкой отозвался Си Яньэнь. — С утра умял порцию раме́на и тарелку жареной лапши, а как спустился — добавил рисовой каши со свиной и столетними яйцами, пару жареных пончиков, лепешку и стакан соевого молока. Кстати, каша отличная, если проголодаетесь, обязательно попробуйте. Организаторы молодцы, оставили ее в огромном чане-термосе.

С каждым новым блюдом брови Ту Цзюфэна удивленно ползли вверх.

«Он что, решил примерить на себя образ профессионального обжоры? — пронеслось у него в голове. — Как в одного человека вообще может столько влезть? Разве знаменитости не должны морить себя голодом ради идеальной фигуры?»

— Ну, ты силен, конечно, — не сдержав улыбки, покачал головой Ту Цзюфэн.

— Стараюсь, — подмигнул Си Яньэнь.

Ту Цзюфэн на мгновение замер под этим взглядом и поспешно отвел глаза, чувствуя, как к щекам приливает тепло. В шоу-бизнесе он перевидал сотни признанных красавцев и красавиц, да и с самим Си Яньэнем уже сталкивался раньше, но сегодня его внешность буквально лишала дара речи.

Это было более чем странно. Еще на вечеринке месяц назад и даже вчера вечером Яньэнь казался ему манерным, скользким типом, от ужимок которого хотелось немедленно вызвать врача. Сегодня же перед ним стоял совершенно другой человек — легкий, харизматичный и чертовски обаятельный.

[Не знаю, что со мной не так, но этот нежный принц Ту Цзюфэн и наш Сладкий Нини безумно подходят друг другу! Тот его спросил, а Нини разложил все по полочкам, такой милашка! Пейринг Нескончаемый союз — просто золото!]

[Нескончаемый союз? Что за дичь вы придумываете? Этот союз еще безумнее, чем Невысказанный рассвет!]

Ду Муинь, до этого увлеченно разглядывавший Нин Чжи, вовремя заметил странное замешательство Ту Цзюфэна. Быстро взяв себя в руки, он потянул приятеля за рукав и спросил с самым невинным видом:

— Брат Цзюфэн, нам ведь уже пора идти, верно?

— Да, пожалуй, — согласился Ту Цзюфэн и, тепло попрощавшись с ребятами, направился к выходу.

Си Яньэнь отправил в рот последний кусок сэндвича. Вступать в открытое противостояние с Нин Чжи у него сейчас не было ни сил, ни малейшего желания. Дальнейшее пребывание здесь лишь помешало бы уединению главных героев, а злить ревнивого альфа-самца — себе дороже.

Он слегка подтолкнул Цао Юя носком кроссовка, привлекая внимание:

— Эй, ты как хочешь, а я пошел.

Цао Юй словно очнулся от тяжелого сна. Он бросил короткий взгляд на притихшего Сян Сыци, уловил исходящие от Нин Чжи волны чистой враждебности, а тут еще и этот несносный Си Яньэнь так не вовремя влез со своей болтовней... В голове образовалась полная каша. Не найдя в себе сил даже на вежливое прощание, Цао Юй послушно, словно на буксире, зашагал следом за Яньэнем наружу.

Стоило им пересечь порог Уютного домика, как Цао Юй, хмуро глядя себе под ноги, процедил:

— Чтобы больше никаких пинков. Держи ноги при себе.

— Каюсь, погорячился, — Си Яньэнь безмятежно крутанул в руке прозрачный зонт-трость. — Но ты, вообще-то, пока еще моя официальная половинка на этом проекте. И когда мой партнер прямо у меня на глазах пускает слюни по другому парню, это бьет по моему мужскому самолюбию.

«Идеально сыграно в рамках характера прежнего владельца тела, — мысленно похвалил себя Яньэнь. — Хоть сейчас Оскар вручай».

От столь наглого заявления Цао Юй едва не прикусил собственный язык. Он сердито зыркнул на спутника и отчеканил:

— Хватит нести чушь про наш союз. Мы партнеры всего на один день, усек?

Си Яньэнь лишь подставил лицо теплему утреннему солнцу. Возмущенное сопение соседа его ни капли не трогало. Он с удовольствием шагал по росистой мягкой траве, дышал полной грудью и наслаждался редкими минутами покоя в этом сумасшедшем мире.

— Знаю-знаю, язык твой — враг твой. Ладно уж, я не обидчивый, — благодушно отозвался он.

Камеры шоу следили за ними буквально с каждого дерева. Сдерживая порыв хорошенько встряхнуть этого наглеца, Цао Юй лишь процедил сквозь зубы:

— Закрой рот и не мели чепухи.

Яньэнь и ухом не повел. Напротив, заметив очередной объектив, он мастерски изобразил на лице крайнюю степень удивления:

— Слушай, Цао Юй, а ведь ты с самого появления президента Нина глаз с него не сводил. Что такое? Неужели решил сменить объект симпатии?

Цао Юй готов был поклясться, что еще секунда — и он пропишет этому клоуну знатный подзатыльник, просто чтобы проверить, шевелится ли там вообще хоть одна извилина. Этот несносный тип умудрялся каждым своим словом бить наотмашь по самым уязвимым местам.

Однако за привычной вспышкой гнева внезапно накатила глухая, удушливая тоска. Цао Юй с кристальной ясностью осознал: их пути с Сян Сыци окончательно и бесповоротно разошлись.

— Я просто опешил оттого, что господин Нин снизошел до участия в подобном проекте. Вот и завис на пару секунд, — глухо бросил он.

В глубине души он уже давно все понял.

Несколько дней назад он, как обычно, позвал Сян Сыци к себе. Раньше друг никогда не отказывался, но в тот раз не просто замялся, подбирая предлог для отказа, — на заднем фоне отчетливо раздался чужой, ленивый и низкий мужской голос: «Что-то он слишком шумный. Сбрасывай». После чего Сян Сыци в полной панике, торопливо оборвал звонок.

Услышав сегодня Нин Чжи, Цао Юй, как ни цеплялся за спасительные сомнения, вынужден был признать очевидное: этот властный, бархатистый баритон принадлежал именно ему.

Да и поведение олигарха не оставляло пространства для маневров. Сян Сыци сделал свой выбор. Ради денег, ради выживания в этом беспощадном серпентарии он согласился на условия игры. Цао Юй всегда гордился своим безупречным слухом и умением различать тончайшие интонации, но сейчас он отдал бы все на свете, лишь бы оказаться глухим глупцом.

Черная апатия медленно заполняла все его существо.

Они знали друг друга еще со школьной скамьи, и Цао Юй изучил характер друга до мельчайших черточек. За этой внешней мягкостью и безотказностью скрывалось поистине ослиное упрямство: если Сян Сыци принимал решение, переубедить его было невозможно. И дело тут было не только во влиянии и деньгах. Не испытывай юноша к Нин Чжи хотя бы намека на симпатию, он ни за что не пошел бы на подобную сделку.

Что мог предложить ему простой актер вроде Цао Юя? Нин Чжи же мог швырнуть к его ногам весь этот мир.

Цао Юй так и не решился признаться в своих чувствах. Теперь же эта тайна была обречена умереть вместе с ним.

Заметив, что спутник окончательно закис, Си Яньэнь решил сбавить обороты. Пожав плечами, он миролюбиво отозвался:

— Ну, нет так нет. Тебе виднее.

Они и не заметили, как ноги сами вынесли их к побережью. Перед ними раскинулась бескрайняя песчаная полоса, омываемая ленивыми волнами. Цао Юй уныло уставился на набегающую пену и внезапно пробормотал себе под нос:

— Господи, как же хочется выпить...

[Чего?! Да Цао заговорил об алкоголе?!]

[О боже, я помню его старое интервью! Там друзья проговорились, что у него просто кошмарный алкогольный характер! Он же буйный, когда выпьет!]

Впрочем, этот комментарий быстро затерялся в общем потоке.

[Неужели наш ежик собрался заливать горе алкоголем из-за того, что Сян Сыци увел президент Нин? Да, притянута за уши, но выглядит именно так!]

[Да с чего вы взяли, что Цао Юй вообще сохнет по Сяо Сяну? Они учились в одной школе, Да Цао на два года старше. Если бы он его любил, почему за эти годы, как сам раскрутился, ни разу не помог ему нормальными ролями?]

[Кто там лает про отсутствие помощи? В той недавней дораме Да Цао играл второго главного героя, а Сян Сыци пропихнул на пятую роль! Просто у Сыци актерский талант, прямо скажем, так себе, Да Цао и так прыгнул выше головы!]

[Да просто Цао Юй банально завидует! Сам пашет как проклятый на вторых ролях, а Сыци теперь взлетит до небес на ресурсах спонсора!]

[Спорим, Цао спал и видел, как бы слить нашего Нини и самому пристроиться к папочке Нину? Бедный Нини, один среди этих хищников, аж жалко его стало...]

[Опять хейтеры набежали! Наш эфир — единственный островок адекватности, не нравится — проваливайте отсюда! Брысь!]

Участие Нин Чжи в романтическом реалити мгновенно взвинтило просмотры, но вместе с обычными зеваками на трансляцию хлынули толпы сетевых троллей и хейтеров всех мастей.

Хотя администрация платформы заранее настроила автоматические фильтры для блокировки прямых оскорблений, интернет-пользователи быстро нашли лазейки. Не имея возможности ругаться матом напрямую, они принялись исходить ядом и изливать пассивную агрессию в завуалированных намеках, из-за чего чаты всех участников мгновенно превратились в зловонное болото. К счастью, непрерывный приток новых зрителей с их простыми приветствиями вроде «Всем привет!» и «О, я успел!» исправно смывал эту токсичную пену с экранов.

Си Яньэнь, разумеется, не подозревал о бушующих в сети виртуальных войнах. Услышав тихий вздох своего спутника, он мгновенно воодушевился и протянул с хитрой, заговорщицкой улыбкой:

— Раз хочется, кто мы такие, чтобы себе отказывать?

До этого момента Яньэнь и думать не думал о спиртном, но теперь идея казалась ему просто блестящей. Наведя фронтальную камеру на них двоих, он скомандовал:

— Ну-ка, покажи «мир» в камеру. Быстрое селфи — и бегом обратно.

Все еще пребывая в глубокой меланхолии, Цао Юй на автомате изобразил пальцами невнятный жест победы, старательно сохраняя при этом дистанцию сантиметров в тридцать.

Раздался тихий щелчок затвора. Обладая завидным размахом рук, Си Яньэнь управился за долю секунды. Полюбовавшись результатом, он тут же скомандовал:

— Все, трогаемся.

— Погоди, в смысле? — нахмурился Цао Юй, наконец выныривая из своих мыслей.

Он ведь просто вздохнул вслух, а этот сумасшедший, похоже, воспринял его слова как прямое руководство к действию?

— Ну а как иначе? Ты жаждешь выпивки, а поскольку ты мой официальный партнер, долг велит мне составить тебе компанию. Будем заливать твои печали вместе, — весело отозвался Яньэнь.

Он мягко посмотрел на Цао Юя. В его лучистых глазах, казалось, отражалось все великолепие лазурного неба и бескрайнего океана, а крошечная родинка у самого века придавала этому взгляду какое-то особенное, щемящее очарование. От этого зрелища у Цао Юя на мгновение перехватило дыхание.

Мерный рокот прибоя ласкал слух, а перед глазами расстился невероятный пейзаж, главным украшением которого был стоящий рядом юноша. Цао Юй внезапно поймал себя на мысли, что тяжелый комок обиды и тоски в груди начинает понемногу таять. Глядя на то, как Си Яньэнь убирает мобильный в карман и разворачивается к тропинке, он осознал: раздражение, которое этот человек вызывал в нем раньше, бесследно исчезло.

Вместо него в душе робко пробивалось совершенно иное, пугающе незнакомое чувство.

Испугавшись собственной минутной слабости, Цао Юй резко нахмурился и поспешил

мысленно растоптать этот глупый порыв. Он ни за что не наступит на эти грабли снова! Он не настолько жалок и ветрен, чтобы переключаться с одного человека на другого за считанные минуты!

И уж точно ему не стоит поддаваться на уловки Си Яньэня, который просто разыгрывает перед камерами спектакль, пытаясь вернуть расположение публики.

<http://bllate.org/book/20444/2118974>